

На смерть А. А. Зализняка. Избранные записи в блогах

- Анна Владимировна Птенцова (2 записи)
- Марцис Юрьевич Гасунс
- Анна Валерьевна Архангельская
- Евгения Борисовна Холодова (школа «Муми-Тролль»)
- Сергей Николаевич Зенкин
- Алексей Михайлович Лидов
- Александр Викторович Марков
- Ольга Александровна Седакова
- Петр Михайлович Аркадьев (2 записи)
- Мариэтта Омаровна Чудакова
- Екатерина Леонидовна Марголис
- Елена Владимировна Муравенко
- Екатерина Владимировна Рахилина
- Елизавета Юрьевна Щеголькова
- Борис Леонидович Иомдин
- Анастасия Сергеевна Вавенко
- Школа «Муми-Тролль»
- Елена Ивановна Лебедева
- Денис Аронович Паперно
- Павел Владимирович Иосад (2 записи)
- Даль Константинович Орлов
- Сергей Борисович Пархоменко (журналист)
- Мария Витальевна Елиферова
- Роман Витальевич Ронько
- Андрей Сергеевич Никитин (губернатор Новгородской области)
- Лев Семенович Рубинштейн
- Владимир Раевский (журналист)
- см. также

Анна Птенцова, 20 января 2018 г.

На днях, составляя какой-то план на одну из февральских суббот, я по привычке стала высчитывать: успею ли, если поеду из университета в 14.30? И не сразу остановилась.

Здесь текст про субботние лекции А. А.Зализняка, длинный – про четырнадцать почти что лет.

Все началось, если я правильно помню, в 2003 г. В тот год родилась Муська, и где-то в конце сентября я поехала в университет за какими-то документами, а ее оставила на бабушку. Думала, заеду на полчаса, но в лифте увидела АА, который вышел на девятом этаже и быстрым шагом направился в одну из больших аудиторий. Я посмотрела ему в спину и пошла следом, понимая, что это не на полчаса, и молясь, чтобы бабушка уцелела.

Оказалось, курс по древнерусскому, и вроде бы действительно первый после долгого перерыва – годом раньше я еще не выпадала из жизни настолько, чтобы пропустить его или по крайней мере не знать об этом.

Предыдущий раз на моей памяти был в РГГУ в начале 90-х, и именно тогда Галя Федонина подбежала к АА после разбора 247-й грамоты: там столько хвостов свисает сверху, неужели же ничего нельзя прочесть?! - и он перечитал и прочел; даже, кажется, прямо к следующему занятию через неделю.

И тогда же та же Галя, прослышав, что новгородские пионеры – так назывались школьники, которые на каникулах работали в раскопе, потому что красить такой забор в воскресенье мечтал, конечно, любой новгородский мальчик, – прослышав, что пионеры в часы досуга вырезают поддельные грамоты на археологической бересте (а также узнав про разные другие более утонченные фальсификации), исполнила ко дню рождения АА прорись, выглядевшую очень натурально: ко ондрею грамотоу хоцю напсати ко онатольевицю. И АА очень радовался, что и нарушение проективности, и повторение предлога, и ондреи, и рука твердая, и на следующее лето Галю взяли прорисовщицей в экспедицию, и мы ей немножко завидовали, потому что она жила прямо на базе, а мы, работники раскопа, в общежитии, где тогда не было душа и приходилось смывать пыль веков (которая не пыль) под маленькими общественными краниками. Или Галя уж потом на базе жила, не помню.

И вот после перерыва в десять примерно лет начались курсы на ОТИПЛе, вначале, кажется, по четвергам, а потом они устойчиво переехали на субботу, и на много лет главным пожеланием к расписанию стало только не третья пара в субботу. Отиплян, кажется, никогда не было больше половины – но не по причине их нерадивости, а по причине радивости прочих. Но и толп не было никогда, и даже помню какой-то семинар, уже по санскриту и не первый цикл, куда приехали тележурналисты с камерой и парадно одетой девушкой; была ранняя серая промозглая весна и не суббота, а какой-то догонятельный день в счет пропущенного в праздники, и людей совсем немного, и АА все смеялся, воображая разочарование телевизионщиков: других-то на конкурсы красоты шлют – а тут! (Кажется, тот приезд был не про будущий отличный фильм, а что-то другое.)

А в тот первый случайный для меня раз случайно же разбирали 731-ю грамоту, и АА под конец сказал: ну расскажите все же, как это произошло. – Однажды в пятницу, под самый конец жаркого летнего дня, в косых лучах заходящего солнца... – начала я уже привычный нарратив. (Мы сидели на так называемом «квадрате» вместе с моей однокурсницей Леной Могучевой и, ввиду спавшего к концу дня и недели трудового энтузиазма уже мечтали о двух близких выходных днях – о как мы заблуждались про субботу, которая внезапно тоже стала трудовой по причине, изложенной ниже: доискивали утраченное.) – Нет-нет, а вот что вы с ней сделали? – (я, набравши воздуха) Ну, я ее... порубила на тринадцать частей! (страшный гогот в аудитории и почему-то аплодисменты).

А потом начался санскрит – первая лекция у меня в тетрадке (я завела тетрадку с условно индийским пейзажем в виде хижины на мостках в голубом озере) помечена 11.09.04. Господи, почти четырнадцать лет назад. Вот смотрю на затертые листочки знаменитого компендиума («Санскрит. Конспект грамматических сведений»), о котором в последнее время много все рассказывали: грамматики – меньше шести страниц (два абзаца – из исторической фонетики, от праиндоевропейского к древнеиндийскому; на полтора страницах изложена

морфонология; на следующих трех – словоизменение и меньше одной страницы понадобилось, чтобы описать основные особенности словообразования). Еще три страницы с небольшим – раздел «Из лексики». (Алфавит прилагался отдельно, а в середине курса в моей тетрадке появились еще три странички про особенности ведийского и потом еще страница про ударения.)

И прямо со следующего занятия слушателям предлагалось встать рядом с Арджуной на колесницу перед несметным войском его противников – которые ему же и родня, и гуру. Для начала все же обсуждался перевод в латиницу, всяческие лигатурные каверзы и проч., но уже с третьего занятия дело пошло совсем без дураков: что именно āṅjuna uvāsa и что отвечал ему на это его возница Кришна. Это без дураков помечено у меня 25 сентября – две недели от того момента, как ААЗ рассказал нам, что такое санскрит и сообщил для подъема духа, что при последней переписи населения около тысячи человек сказались считающими его своим родным языком («Это те, кто знает грамматику Панини наизусть»).

На следующий год был древнеперсидский; первая страница соответствующего компендиума – список клиньев включая идеограммы, вторая – структура знаков древнеперсидской клинописи, третья – основные сведения о персидской письменности в целом и четвертая – отличия древнеперсидского от санскрита (дистанцию АА определил приблизительно равной дистанции между русским и чешским; полстраницы отводилось фонетическим различиям и вторая половина морфологическим, последняя строка этой страницы звучала так: «Прочие незначительные отличия от санскрита уместнее отмечать при разборе текста»). Следует ли говорить, что при начале курса 17 сентября уже 24 сентября читалась (даже вполне успешно) надпись царя Дария – та, которую дешифровал в самом начале XIX в геттингенский учитель Гротефенд?

В тот год мы не помню почему занимались в ужасной 1060 – там, где звук долетал от доски не дальше чем до первой потолочной балки, а сама доска оставалась индифферентной к воздействию даже того прекрасного круглого мела, который неизменно многие годы подряд вынимала из сумки Лена Гришина. Поэтому однажды находчивая Аня Родионова принялась чертить клинья прямо на стенке – белым на светло-голубом; приходилось работать не щадя мела, и АА с большим энтузиазмом предлагал нам представить реакцию будущей уборщицы...

В той же аудитории помню и несколько санскритов – на один из них (на многие из них, на самом деле) минут за пять до конца заглянул В. Успенский, у которого была пара по соседству в то же время, и внезапно сказал: *nāsadāsīnno sadāsīttadānīm...* – Вот видите, видите, как полезно! – радовался АА. – Человек, который учил санскрит довольно давно, еще что-то помнит!

И когда 16 сентября 2006 г стартовал арабский («Не арабский ни в коем случае, а грамматический строй арабского языка, запишите именно так!»), а 7 октября уже разбиралась (и разобралась) первая сура Корана, мы не то чтобы были сильно удивлены))

Потом все ждали иврита, но АА счел, что в Москве очень много тех, кто знает его гораздо лучше, и много мест, куда можно пойти, чтоб его выучить – ох, это все же не было правильным решением...

Зато санскрит читался еще дважды, и еще раз – арабский. И было очень много русской акцентологии.

Это никогда не было повторением, и всегда было не только про этот именно язык, но и про другие тоже заодно – и немножко про жизнь вообще.

Например, о том, что такое психологическая проекция, я узнала ровно-наравно из гимна Араньяни («Араньяни, Араньяни, как же ты не ищешь деревню? Не нападает ли на тебя страх?») – а что ей, она же богиня леса).

В другой раз подробно обсуждались правила знаменитой азартной игры плодами дерева вибхидака («такие коричневые-прекоричневые», переводила Лена Гришина) и примерно тогда же – параллель между фразой «Я, направив десять пальцев вперед, [говорю]: я не держу [больше] никаких денег» из того же гимна игральным костям и формулой отречения от сатаны: «руцѣ простерше горѣ реку ему ничтоже скрыто у мене».

Листаю тетрадку дальше и вижу запись о том, что никому не известен рецепт божественной сомы)

Самым ярким, конечно, и сохраняющимся в памяти безо всякой тетрадки было рассуждение о трудностях перевода – что *dehin-* совсем не то, что душа, и *taras* не аскетический жар – и что все это надо читать в подлиннике, а то вот есть такая йога по-английски... И помолчал. (Я еще несколько лет после обходила дальней дорогой все московские йога-центры.) И еще помню отчетливо мысль, что для того, кто находится в йоге (*yogastha-*) какая-нибудь эффектная контролируемая остановка сердца – все лишь двадцать пятое неважное следствие этого его прекрасного со-стояния.

В курсе персидского помню рассказ о том, как английские солдаты палили в Бехистунскую надпись («ну как было не стрЕльнуть!») – к счастью, только в «картинки», не в клинья. Прорись картинок тоже до сих пор лежит в этой тетради: Дарий, попирающий опрокинутого Гаумату, мятежные цари с веревками на шее и Агурамазда наверху – да-да, как было не стрельнуть.

А древнерусский, кажется, был только в самом начале. Вот из него один забавный эпизод: потребовалось связаться со старостой группы ОТИПЛа: «Я не помню точно его фамилии – но она по модели Житомирский, только город другой!»

Когда в курсе акцентологии начали читать Чудовский Новый завет, АА принес свой фототипический экземпляр 1892 года, и, стараясь не слишком прикасаться к нему, говорил, что таких на виду осталось только двенадцать из двадцати пяти и вот это один из них, а потом стал читать предисловие митрополита Леонтия – что это издание предпринимается на случай, «если бы подлинник его, в силу каких-либо несчастных судеб, подвергся уничтожению» – и вдруг резчайшим движением швырнул драгоценную книгу об стол! Чувство было – как будто у него убили близкого человека...

Это давнее, а из недавнего – хорошее и тоже забавное: оказывается, знаменитое описание омеговой системы Мерила Праведного появилось благодаря чистой случайности: АА принял означенный на обложке издания XIV век за XVI и только поэтому снял книгу с полки открытого доступа Ленинки...

Еще были факультативные задания для желающих; сдающим АА всегда говорил спасибо, и это само по себе, конечно, производило впечатление не меньшее, чем его лингвистические сведения и выкладки. У меня сохранилось три таких работы – два перевода про Наля и одна задача из персидского. Правки до-

вольно много (никогда не переводите с древнеиндийского, сидя на лавке у детской песочницы), она в основном краткая, но есть и такие комментарии: «Отказаться от вызова на игру было примерно так же позорно, как в Европе на дуэль» – или: «Добавить положительный эпитет эпический автор всегда не прочь, не очень взирая на контекст».

Какое счастье, что все это было и что было так долго. Как мы оказались избалованы и не слишком готовы к тому, как распорядилась судьба – не очень взирая на наши чувства и планы. Но как все же нам повезло.

<https://www.facebook.com/anna.ptentsova/posts/1839712132706978>

Анна Птенцова, 1 февраля 2018 г.

Сегодня сорок дней со дня смерти А. А. Зализняка. В солнечных лучах из окон была видна дымка от кадила – такое прозрачное колеблющееся покрывало, которое висело примерно в метре над полом и своим растворяющимся краем уплывало в сторону алтаря.

Сегодня снова много вспоминали и рассказывали – друзья, коллеги, ученики. А я решила написать про давнюю Женеву. На фоне того обширного и важного, что было сказано за последние сорок дней, эти короткие воспоминания совсем ничто, конечно, но это была мне такая радость тогда и так потом хорошо было про это помнить, что вот все же напишу тут.

Это был 1995 год, я приехала в гости к Katia Varone, и тогда же в Женеве оказалась и Фекла Толстая, которая ходила в гости к ААЗ и, вернувшись, передала мне приглашение позвонить. И это был один или два мб телефонных звонка, и дважды я встречалась с ААЗ. И вот несколько разрозненных воспоминаний.

Первое, что я сделала, была, конечно, попытка напроситься на занятие (АА читал тогда в университете местным славистам). Ответ меня изумил: «Как бы Вам это сказать... Я Вас не приглашаю. Видите ли, Вы меня будете смущать (sic!)» (Не приглашаю было перформативом, то есть употреблено в том смысле, в каком у Лермонтова говорят я Вас не поздравляю.) И у меня, конечно, не хватило ни наглости, ни риторического таланта, чтобы предложить пересмотреть это неприглашение.

Помню описание швейцарского менталитета: «Швейцарец, если придет в магазин игрушек, скажет так: дайте мне синего льва в красную крапинку размером тридцать сантиметров». И рассуждение о том, что патриотичные швейцарцы даже картошку в супермаркетах продают свою, дорогущую: «Еще бы! Выращена на склонах гор!» И еще рассказ о человеке, который шестьдесят лет ждал швейцарского гражданства – и не дождался.

Помню предостережение от уличных воришек, причем имелись в виду не благовоспитанные швейцарцы, а заезжие итальянцы: «Я бы сказал, что Италия не за горами – но она именно за горами!»

Еще помню, как мы шли по улице в самом центре, и я увидела прекрасный какой-то дом и подумала: о, хочу тут жить, нигде больше нет таких красивых ... ставен? или ставней? Надо бы посмотреть в Зализняке! – и только потом осознала.

Еще АА говорил, что иногда проникает без визы в соседнюю Францию: «В горах, по тропочке. Вы картами интересуетесь?» – и показывал рукой извилистый маршрут.

Очень откликнулся и на мои рассказы. Он в первый же момент посоветовал посмотреть Pont de la jonction – мост в том месте, где сливаются зеленая спокойная Рона и бурная известковая Арва и откуда прекрасный вид на эти разноцветные завихрения. Я пошла из центра вдоль Роны по аккуратной набережной, дошла до стрелки, увидела, что мост чуть впереди, уже над слившейся частью и, чтобы на него подняться, надо отмотать немного назад, но уже вдоль Арвы (где был отдельный мостик в нужном направлении), а набережной там никакой нет, и то, что под ногами, очень похоже на тогдашнюю улицу Герцена, раскопанную вдоль и поперек. Посреди этого привычного моим московским ногам рельефа стояла табличка, озаглавленная словом «avis» («мнение», сказал мне карманный словарь) – про то, что тут гулять не вполне комфортно. Спасибо, растроганно подумала я и решительно двинулась к мостику, перемещая по ходу дела какие-то заградительные заборчики – опять же, как на Герцена. И тут почувствовала жжение в спине. Сзади меня пронзал взглядом какой-то местный житель, и по всему было видать, что он готов вызвать полицию. (Только вечером мне рассказали, что «avis» на самом деле означает строжайший запрет.)

И вот АА очень потешался над этой историей. А когда я вспомнила, что на подходе к понту какой-то спортивный бегун сказал мне: «Joug!» – подтвердил: «Да-да, там начинается зона здраванья».

Еще потешался над тем, что моя приятельница Катя по-московски кладет иногда ключ от квартиры под коврик снаружи двери, а швейцарцы сходят от этого с ума, и что она же оставляет на том же коврике мокрый зонт – а соседка периодически крадет его в целях борьбы с хаосом.

И рассказывал, как однажды они с внуком, радуясь неожиданному снегу, слепили снеговика и пошли обедать, а после обеда вернулись – а снеговика кто-то разметал в клочья, не выдержав вида этой иностранной нечисти. (Про Швейцарию ли был этот рассказ или о другой стране, не помню.)

Еще он ужасно боялся переходить дорогу. В Швейцарии, объяснили мне друзья, налоги на дороги платят все, то есть как бы пешеходы, и поэтому пешеход имеет право в любом месте переходить дорогу в черте города. И легкомысленная я этим правом с удовольствием и безо всяких налогов пользовалась с первых же минут – а мудрый АА каждый раз порывался схватить меня за рукав.

Еще он рассказывал про Каруж, пригород Женевы, где он тогда снимал квартиру. Что это был католический город под носом у протестантской Женевы и гедонистически настроенная часть женеvцев тайком шныряла туда развлекаться.

И показывал табличку на одном из соседних домов, на которую ему указал хозяин квартиры: там жил... один из ваших. Ульянов-Ленин))

И потом я ездила к нему перед своим отъездом – садилась на остановке с хорошим названием Bout du Monde (ср. новгородские концы) и выходила уже в Каруже. Пришла в сумерках, появились первые звезды. «Вы астрономией интересуетесь?» Кто же скажет нет. И последовала обстоятельная лекция о созвездиях и о Венере. Включил телевизор: «Вы уже достаточно знаете язык?» – «Я не могу нормально говорить, но вполне понимаю». – «Ах это ВОТ для Вас как? не говорите, но понимаете?!»

И передал со мною в Москву рукопись ДНД – для Марфы Толстой. И, передавая, ни разу не произнес: осторожнее, это очень важно. Просто сказал, что долго работал над этим. И написал имена и телефоны для связи.

<https://www.facebook.com/anna.ptentsova/posts/1852631564748368>

Марцис Гасунс

Когда умер Есин, я проверил жив ли Зализняк. На последнее письмо от 6 ноября я так и не ответил – письмо длинное и каждое слово как обычно отчеканенное и я обдумывал формулировки ответа, но чересчур долго. Когда Зализняк согласился быть моим научным руководителем, я ведь тоже тогда затянул и вместо года (как он просил) защита состоялась через восемь лет.

Я планировал издать его «Очерк грамматики санскрита» и среди прочего вел переписку насчет указателя к нему. Теперь уже посмертное издание. ААЗ писал: «Мой очерк стоит вовсе не в ряду с Уитни или Рену, а в одном ряду с замечательной 90-страничной книжечкой Майрхофера. И в этом ряду он достаточно хорош. А при претензии на вхождение в один ряд с Уитни и Рену он немедленно становится убогим».

Я неспешно подбираю фотографию с которой закажу гравюру и подумал – буду проездом в Москве и сделаю новую при случае, ведь 120 лет – это самое малое, что может прожить ААЗ. Месяц назад под руку попали его правки к моему переводу Наля красной ручкой и я снова вспомнил занятия с Андреем Анатольевичем, разные аудитории в МГУ, где проходили занятия древнеперсидским, санскритом, арабским и древнерусской акцентологией. Если я хоть что-то смыслю в языкознании, то исключительно благодаря ему. Мы встретились в 2004 г. и с тех пор я заразился санскритом и заболел лингвистикой, хотя до этого уже занимался санскритом с Н. П. Лихушиной.

Я узнал что такое гениальность в языкознании. Я познакомился с разными академиками, но они были лишь умны, а искра таланта, разведенная в лесной пожар гениальности была только у него. Где-то рядом Иванов, Топоров и, в более узком смысле, Елизаренкова и Майрхофер. Никого уж нет.

Он дал метод. Он учил строгости. Он посмеивался, когда я говорил, что хочу издать книгу по санскриту без опечаток – поймав его в очередной раз в субботу утром перед занятием в коридоре гумкорпуса. Он был вторым человеком после Скворцова, который живо заинтересовался моим «Обратным словарем санскрита». Словарь построен по образцу словаря ААЗ и был только один человек на свете, который мог оценить его по достоинству. Зрение ААЗ падало, он уже не смог прочесть все, но ясность, ясность его не покидала – ничего сенильного в нем не было. По крайней мере я не смог обнаружить.

Сегодня утром, после очередных занятий по его «Конспекту» у меня возник вопрос по аббревиатурам и я, наконец, созрел написать ответ и за одно задать вопрос, на который я так и не смог сам ответить. Полчаса назад я поставил фонем Leonard Cohen и пошел в подвал травить мышку. Раздался телефонный звонок. Я проверил, но Dmitri Sitchinava не ошибся.

Разве не достаточно ушло близких за один лишь конец этого года? Пепел, вместо меня – горстка пепла. Супруга оберегала его от внешнего мира, но не смогла. С внучкой в руках и в тесном своем кабинете-библиотеке – так я его запомню. Царство небесное.

Спасибо тебе, что дал поверить в себя.

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10156968619634148>
[см. также в некрологах]

Квакль-бродякль [Анна Архангельская]

Умер Андрей Анатольевич Зализняк...

Я пишу эти слова – и не могу поверить.

Нам казалось, что он так же вечен, как Древний Новгород. Нам казалось, что всегда будут его новгородские экспедиции (счастлив, кто знает, как это было), что каждый год будут его замечательные лекции (счастлив, кто мог присутствовать на этом удивительном торжестве научного духа, когда, казалось, мы все – пусть и на полтора-два часа – оказывались в Древнем Новгороде, окружённые шумной толпой его жителей, в которой некоторые из нас потихоньку учились видеть отдельные лица, некоторые наслаждались лёгкостью, с которой он вводил нас в их мир, некоторые могли поддержать разговор на высоком профессиональном уровне, но и остальные не чувствовали себя ни чужими, ни лишними на этом празднике мысли).

Мы привыкли прощаться с теми, кого, за нынешней суетой, иногда и видели-то раз в год: «В следующем году на Зализняке».

И невозможно поверить, что этой радости больше не будет.

На первом занятии по древнерусской литературе я всегда рассказывала про Зализняка, про Новгородский кодекс, про раскопки, про эти лекции, звала на них студентов и говорила, что это, на мой взгляд, – самое замечательное посвящение в филологи, потому что там становится понятно, чем мы занимаемся и как это работает. И уже давно, на автомате, говоря о нём, я произносила: «Величайший современный лингвист, современниками которого нам посчастливилось быть».

Однажды, в каком-то горячем обсуждении трудностей оформления совместителей в МГУ, я в запальчивости воскликнула: «Да, может, единственное, чем мы можем гордиться, – это то, что у нас работает Зализняк».

Несколько лет назад я ходила на некоторую часть его спецкурса по акцентологии «Слова о полку Игореве» – и на некоторые места текста, казалось бы, не раз прочитанного и осмысленного, взглянула совсем другими глазами. Жалею, что мой сложный график жизни помешал мне прослушать курс полностью.

Меня всегда поражало, насколько легко он говорит о сложном. Это ведь, действительно, большое искусство: рассказать об истории языка так, чтобы было понятно не только специалистам, но и первокурсникам, школьникам, технарям и естественникам, которые и собирались на его лекции, и слушали их в записи по всему миру. Мало кто так умеет, а у него это ещё и получалось совершенно естественно, непринуждённо, как само собой разумеющееся.

И вот сегодня мы все растерянно спрашиваем друг у друга: как же нам жить дальше без него. И никто из нас не знает ответа на этот вопрос.

Прощайте, Андрей Анатольевич! Нам будет очень Вас не хватать!

<https://kvakl-brodakl.livejournal.com/840344.html>

Евгения Холодова

Вы понимаете, Андрей Анатольевич Зализняк был подарком, чем-то совершенно незаслуженным нами тут на земле и совершенно невозможным и невероятным. Лёгким, радостным, гениальным, так запросто делящимся своим со всеми, кто нуждался. Он приходил в школы, читал публичные лекции, он не си-

дел просто в своём, он делился, легко и радостно (хотя, конечно, его вынуждали все эти фоменко с носовскими своим антинаучным бредом, но и за это им спасибо, за то что из-за них у нас появилась возможность увидеть и услышать Андрея Анатольевича, который вышел им ответить, сказать своё слово против их, и уже в этом проявилась его необыкновенная искренность и скромность, потому что кто они и кто он, но ему было важно защищать истину, и он спокойно её защищал перед теми, кто был готов слушать и слышать). Его не страшно было ни о чём спрашивать, как иногда, бывает, задаёшь вопрос, а тебе в ответ такое, что краснеешь до корней волос: Андрей Анатольевич никогда не заставлял краснеть. Он отвечал так, что ты понимал, что твоё любопытство не стыдно и незнание твоё не стыдно, но знать – хорошо и прекрасно, и туда тянуло невероятно, он тянул, своей открытостью, радостью, лёгкостью, увлеченностью, гениальностью, показывая, сколько там всего и сколько там можно искать и находить. И вот живёшь, и знаешь, что там, у него, есть интереснейшая жизнь, в которую он открывает двери не только посвященным, но всем, кто захочет. Он радовался каким-то замечаниям и ответам на лекции так, будто ты сделал какое-то открытие, и он показывал, насколько это всё интересно и бесконечно увлекательно. Он делился щедро тем, что у него было. А было у него невероятно много. Так много не бывает. Самое восхитительное для меня в нём именно эта его простая человечность, открытость, искренность, его улыбка в сочетании с его невероятной гениальностью. Его улыбка и его глаза, полные детской совершенно радости открытия и интереса к миру. И правда, казалось, что он будет всегда, настолько он был невероятен, настолько он был чудом, настолько он выходил за рамки привычного и обычного.

Детям я неустанно рассказывала про Андрея Анатольевича Зализняка, пересказывала его лекции, показывала фотографии. Все мои классы про него знали... Да я всем про него рассказывала всегда, и взрослым тоже, рассказывала, как Сашка, который учился тогда в МИФИ в ответ на моё упоминание имени Андрея Анатольевича уважительно закивал: конечно, его все программисты знают, без него бы никак. И я радостно рассказывала, вот, мол, зачем для жизни изучать лингвистику. И это тоже о Зализняке: его наука не просто наука, она в высшей степени живая, она про жизнь даже больше, чем сама жизнь, в ней переживания, радости, печали, страдания, взлеты, падения, но нет равнодушия. В его трудах и правда дышит почва и судьба, дышит так, что трудно не задыхаться с ними в унисон.

Мы жили в одном времени с великим человеком. И осиротели. Да, Елена Александровна, по-другому не скажешь.

<https://www.facebook.com/evgenia.holodova.1/posts/1497477420359465>

Sergey Zenkin

Андрей Анатольевич Зализняк учил меня целый год, после поступления в 1972-м на отделение структурной лингвистики МГУ. От старославянского языка, который он нам читал, стонали студенты русского отделения, как в старину гимназисты от латыни; а у нас это был праздник знаний, потому что Зализняк вместе с мертвым языком преподавал еще и теорию языкознания (практическую – такая бывает), и искусство культурологического комментария – например, к Евангелию, которое он в те малорелигиозные годы объяснял с безупречной светской эрудицией. С тех пор я помню его именно таким – молодым, бле-

стящим доктором наук, с непринужденными и иногда забавными манерами; за привычку прислоняться спиной к классной доске моя соученица Irina Olekhova сочинила о нем стишок: «И что напишет на доске, / Потом прочтем на пиджаке».

На втором курсе я ушел со структурной лингвистики и потом встречал немало других великих ученых, но он был первым.

<https://www.facebook.com/sergey.zenkin.3/posts/1473084982808109>

Алексей Лидов

Год великих потерь... сегодня ушел из жизни Андрей Анатольевич Зализняк.

Кажется, только вчера умер Вяч Вс Иванов. Кстати, последний раз виделись с Андреем Анатольевичем на заседании памяти Иванова в ИМЛИ в ноябре этого года. Нет смысла говорить о заслугах человека, которого еще сорок лет назад считали «великим», и который стал для всего мира предметом искреннего восхищения, воплощением всего лучшего в русской гуманитарной науке. В любом случае об этом можно прочесть в энциклопедических статьях на разных языках, а сейчас и в бесчисленных некрологах. Хочу сказать о другом, о личной потере, поскольку я знал его всю жизнь (родители были дружны). Помню в детстве с большим интересом разглядывал «легендарного Зализняка», про которого говорили, что он знает более двадцати языков. Этот факт плохо умещался в детской голове. Потом десятилетия встреч, как правило, на днях рождениях его дочери и моей подруги с двухлетнего возраста. Пожалуй, главное впечатление за все годы – ни одной фальшивой ноты, естественность и точность реакций, ощущение подлинности в каждом слове и жесте. Когда случился скандал с «новгородскими церами» (Зализняк прочел древнейший текст-палимпсест, который больше никто прочесть не мог), я решился при встрече его спросить, и он искренне и просто минут сорок рассказывал о процессе чтения «нечитаемого текста». И я верю, что он его прочел, кто бы что ни говорил, потому что это Зализняк, и придумывать он не может. И это открытие одно из его великих достижений, с которым он навсегда останется в истории мировой науки и культуры. Думается, наша обязанность найти подтверждение факту существования этого важнейшего и уникального текста. Это, на мой взгляд, будет лучшим памятником Андрею Анатольевичу. Светлая память и Царствие Небесное!

<https://www.facebook.com/alexei.lidov/posts/1966382213635628>

Александр Марков

На 1 курсе получил «четверку» по Введению в языкознание, потому что начал ответ на один из вопросов: «Учение о принципах словоизменения в русском языке, созданное такими классиками науки XIX века, как Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Зализняк...» Я понял свою ошибку потом, но почему-то все равно казалось, что Зализняку нужно общаться с Платоном и Григорием Нисским, и выяснять, как изменяемость имени определяет его значение, его значимость, значительность. А.А. Зализняк совершил много великих открытий, но это умение перейти от знака к знанию, показать, что значительность не создается просто употреблением значительных слов – это величайшее для меня открытие. Какое горе. Светлая память.

<https://www.facebook.com/markovius/posts/10209154795582012>

Ольга Седакова

Две маленькие истории про Зализняка. В 60-е, в тот короткий период, когда талантливых молодых людей отправляли на стажировку в европейские университеты (как сам Зализняк стажировался в Сорбонне), Бибихину тоже предложили Францию. Он отказался. По одной причине: «Там нет Зализняка».

Другая история. Умирая от смущения, я, тогда аспирантка, спросила Зализняка, какую историю церковнославянского он мне посоветует. Я думала, что спрашиваю что-то вроде: не знает ли он хорошей французской грамматики?. А. А. ответил: «Нет такой истории (от кирилломефодиевских текстов до славянского синодального периода), и быть пока не может. Ни одна часть этой истории еще не описана».

<https://www.facebook.com/osedakova/posts/1765603480139195>

[см. также в некрологах]

Peter Arkadiev, 24 декабря 2017 г.

умер Зализняк

Я точно знал, что когда-нибудь мне придётся написать эти слова, но не мог и подумать, что сегодня. Ещё двенадцать дней назад Андрей Анатольевич выступал у нас в Инславе с докладом о берестяных грамотах, выглядел бодро и, как всегда стоя, говорил почти два часа, после чего быстро разобрал накопившиеся письма и своим твёрдым и совсем не старческим шагом ушёл. Казалось, что время над ним не властно, – и вот теперь его нет.

Если попытаться в двух словах суммировать основное значение Зализняка как учёного и просветителя, то, мне кажется, оно состоит в следующем. Он одновременно задавал высочайший стандарт достоверности научных результатов и демонстрировал достижимость этой достоверности – кропотливым трудом, педантичным вниманием к мелочам и умением из деталей составить целостную и убедительную картину, в которой всё было на своих местах, но в первую очередь – беспристрастностью и интеллектуальной честностью. Этим он показывал, что и лингвистика может быть *suī generis* доказательной наукой. Особенно чётко это его credo было выражено в речи на вручении Солженицынской премии в 2007 г., которую я очень рекомендую про- или перечесть.

<https://petrark.livejournal.com/786445.html>

Peter Arkadiev, 26 декабря 2017 г.

Еще об ААЗ

Пытаясь сформулировать, что было особенно притягательно в Зализняке, подумал то, что так или иначе пишут многие. Напишу заведомо парадоксально: реплицируемость. Да-да, не удивляйтесь. Зализняк ставил разрешимые задачи, разрабатывал для них точные методы, полностью эксплицировал их применение и показывал, откуда и как возникает результат. Он не священнодействовал, как иные, но говорил «Делайте, как я!». И при должном внимании и усердии это получается. Говорю это с полной ответственностью, потому что пробовал сам. И даже показывал ААЗ результат – ещё будучи студентом, с трясущимися поджилками принёс ему свой опыт классификации литовских глаголов – крепкий орешек, между прочим, – который был им одобрен. Да, для того, чтобы сделать столько же, сколько в одиночку сделал Зализняк, нужен целый институт,

которому вряд ли удастся сделать это так же хорошо. Но по крайней мере можно стараться и есть, к чему стремиться и с кого брать пример.

<https://petrark.livejournal.com/787279.html>

Мариэтта Чудакова

Это что-то ужасное..Умер гениальный лингвист – я всегда называла его «светлый гений России» (потому что были у нас и темные гении) – Андрей Зализняк. С ясностью его ума мало кто мог посоперничать... Открыватель потрясающей страницы истории России, запечатленной в берестяных грамотах... В годы нашего с А. Чудаковым студенчества так возвышался над всеми, что власть дрогнула – и послала его (неслыханное дело тогда!) в Сорбонну... Да, смириться невозможно...

<https://www.facebook.com/marietta.chudakova/posts/1517408798377543?pnref=story>

[см. также в интервью]

Katia Margolis

Андрей Зализняк 29.04.35. – 24.12.17

Вот и все.

Когда умирает человек – умирает язык. Тот язык, на котором говорили и понимали. На котором иногда плакали, но много радовались. Тот, на котором за эти годы написаны гигабайты писем, хранящихся в недрах наших компьютеров и серверов: которые можно прочесть, но понять больше некому, потому что у писем есть единственный адресат. Так начинается любая берестяная грамота «отъ Бориса къ Оностасии», «отъ Ульяны къ Игначу». И через толщу веков и земляных культурных слоёв ты доносишь до нас их смысл, слог, склад и строй их речи, но только сегодня вдруг все онфимы и оностасии стали пронзительно живыми людьми, которые больше никогда не смогут говорить. Не с нами, а друг с другом. Потому что наступил наш черёд. И я просто отказываюсь в это верить.

Deus conservat omnia. И тот же шёпот Шереметьевского дворца не оставляет иной возможности и человеку. Я вспоминаю один венецианский эпизод. Едва Бродского похоронили на San Michele, как безумные поклонницы (и отдельные поклонники) настигли его и тут и стали оставлять на могиле записочки, листочки, а потом появилась тетрадка – размокшая и расползшаяся. И вот тут твой пыл ученого уже было не заглушить. Ты взял тетрадку, отнёс в гостиницу и переписал все содержимое, а первоисточник на следующий день отнёс на место. Тебе не важно было, что стихи эти и послания, скорее всего, не представляли никакой художественной ценности. Тебе важно было не дать пропасть историческому письменному источнику. И при этом ты наотрез отказывался обнародовать содержание переписанного: этика личного. Так между этими двумя полюсами: этикой частного человека и неутомимой пытливостью ученого, отбивающего добычу у Леты – будь то осколок древнерусского слова или сама жизнь – проходил тот разряд, о котором столько говорили сегодня на прощании, называя то «чудом», то «тайной», но это не было ни тем, ни другим.

Точных слов ни у кого нет. И прошедшее время не вмещается.

Это же ты умеешь хранить и сохранять в лучшем порядке: слова, знаки, мгновенные картинки. И молчание тоже. Видеть стройность за мельтешением малого. И красоту.

Ты не устаёшь удивляться и при этом всегда точно отвечаешь на поставленный вопрос. И в этом -говорят коллеги и ученики– великое научное мастерство. Правда, в жизни иногда этот талант ставил в тупик. Помню, однажды в Новгороде мы сидели внизу гостиницы «Садко» и мирно попивали чаек, а, скорее всего, что-то покрепче, когда мне пришла смс-ка от венецианских квартирных хозяев, не получивших вовремя положенной mzды, и я в панике, пытаюсь найти интернет, чтобы сделать им срочный перевод, спросила тебя, где тут ближайшее интернет-Кафе. Ты принялся долго и подробно объяснять, как и куда мне нужно пройти, какие улицы перейти и куда повернуть. Я успела и была горда собой, что проявила оперативность и ответственность. Каково же было мое изумление, когда на следующее утро в том же холле той же гостиницы «Садко» я обнаружила двух немок бодро разговаривающих по скайпу.

– Как же так?! – изумилась я – значит, тут есть вай-фай?

– Конечно, есть, – радостно отозвался ты.

– Но я же вчера срочно искала интернет!

Ты был искренне растерян:

– Так ты же спрашивала меня про то, где интернет-Кафе, а не про то, есть ли тут вай-фай...

У итальянцев очень важное свойство человека – *leggerezza*. По-русски, оно о несерьёзности и бездумности. По-итальянски – иначе. Что-то парящее, почти не касаясь земли, радостное, завораживающее.

Я не расскажу тут большего и главного. Когда умирает человек – умирает язык. Там где-то на краю моря у меня есть другие слова. А тут пусть остаются буквы.

И последнее стихотворение Лосева, о котором мы говорили:

Стоит позволить ресницам закрыться,

и поползут из-под сна кожуха

кривые карлицы нашей кириллицы,

жуковатые буквы ж, х.

Воздуху! – как объяснить им попроще,

нечисть счищая с плеча и хлеща

веткой себя, – и вот ты уже в роще,

в жуткой чашобе ц, ч, ш, щ.

Встретишь в берлоге единовеца,

Не разберешь – человек или зверь.

«Е-е-ю-я», – изъясняется сердце,

а вырывается: «ъ, ы, ь».

Видно, монахи не так разрезали

азбуку: за буквами тянется тень.

И отражается в озере-езере,

осенью-есенью,

олень-елень.

<https://www.facebook.com/katia.margolis/posts/1527097217338238>

Елена Муравенко

Сегодня (т.е. вчера, просто уже много часов не могу прийти в себя от этого известия и сосредоточиться) ушёл из жизни АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЗАЛИЗНЯК. Академик, величайший учёный, благороднейший человек... Это огромная

утрата для науки и для человечества. Но я переживаю эту утрату как личную потерю близкого и дорогого человека. Думаю, таких осиротевших сегодня людей немало...

Когда я в 1971 году поступила на Отделение структурной и прикладной лингвистики МГУ, Андрей Анатольевич был молодым профессором, доктором наук и вёл на Отделении несколько разных курсов. Конечно, Зализняк был любимым преподавателем почти у всех (это я осторожничаю: наверное, просто у всех) студентов. Мне и моим однокурсникам повезло больше других: у нас Зализняк вёл целых три курса: введение в языковедение, древнерусский язык и старославянский язык. Лучшее введение в специальность трудно себе представить, а древнерусский и старославянский стали у меня любимыми предметами, при том что раньше меня никогда не интересовали древние языки. Хорошо помню, как я сдавала экзамен по старославянскому. От А.А. вопрос за вопросом, а у меня то взлёт, то заминка. Так он колебался между пятёркой и четвёркой и в конце концов говорит: «Вот последнее задание: переведите этот текст с русского на старославянский. Переведёте – пятёрка». И написал на листке текст. Я перевела, а текст, написанный рукой Учителя, до сих пор хранится у меня. А как мы сдавали древнерусский... Этот курс длился два семестра, и после первого семестра был зачёт без оценки. В те времена студенты сами участвовали в формировании расписания, и студенты нашей группы вынесли зачёт в экзаменационную сессию и оставили на подготовку максимально возможный срок (кажется, почти неделю). Все хорошо учились и в принципе могли бы сдать зачёт даже без подготовки, но ведь стыдно было ответить Зализняку абы как, поэтому сидели всю неделю и готовились, готовились...

Но ведь и Андрей Анатольевич к каждой своей лекции тщательно готовился (не только в мои студенческие времена, но и много позже, когда он был уже в статусе академика). Он умел выстраивать материал так, чтобы слушатели как бы сами делали открытие, поэтому лекции были необычайно увлекательны, каким бы явлениям ни были посвящены.

Андрей Анатольевич стоял у истоков Лингвистической олимпиады, тогда она называлась Традиционной Олимпиадой по языковедению и математике. Ещё до олимпиады он опубликовал статью «Лингвистические задачи», а потом в течение многих лет ежегодно составлял задачи для Олимпиады. И не только составлял задачи, но обязательно внимательно просматривал варианты, составленные задачей комиссией. Тогда у нас в ходу был специальный термин – «отзализнячить» задачи, т.е., когда всё уже совершенно готово, перед сдачей в типографию отнести варианты на проверку А.А. Зализняку. И, бывало, Андрей Анатольевич находил какие-то огрехи. Довелось возить задачи на «отзализнячивание» и мне, когда, учась на 5-м курсе, я была председателем задачей комиссии. Какую же я испытывала гордость и радость, когда А.А. похвалил варианты!

У Андрея Анатольевича я писала курсовую работу на 4-м курсе, а потом диплом. Опять-таки, стыдно было приезжать к нему с каким-то совсем сырым текстом и непродуманными наметками. И хотя я часто разговаривала с Андреем Анатольевичем, звонила ему по телефону, бывала у него дома, я неизменно испытывала какой-то трепет в общении с ним, ощущая масштаб его личности (вот ведь перед начальниками и администраторами любого уровня у меня никогда не было никакого страха и трепета).

С 1992 года мы с Максимом Кронгаузом начали проводить Летние лингвистические школы, а в 2007 году нам пришла в голову счастливая мысль пригласить с лекцией Андрея Анатольевича. Я позвонила ему, Андрей Анатольевич очень заинтересованно меня выслушал и согласился. С тех пор мы приглашали Андрея Анатольевича на ЛЛШ каждый год, и каждый год он с готовностью соглашался и, кажется, с большим удовольствием выступал перед талантливыми школьниками, приехавшими из самых разных уголков России (и не только России). Лекция Андрея Анатольевича неизменно проходила в первый же рабочий день школы, потом он отправлялся на ежегодные раскопки новгородских берестяных грамот. Всего с 2007 по 2017 гг. было прочитано 11 потрясающих лекций. Казалось, так будет всегда. Кто же из нас летом этого года мог подумать, что присутствует на последней лекции Зализняка в ЛЛШ. Благодаря усилиям Виталия Арнольда и его коллег многие лекции существуют в видеозаписи, и теперь, включив компьютер, можно окунуться в те времена, когда все были живы-здоровы и мы все вместе: школьники, студенты, преподаватели и специально приехавшие гости – собирались в зале и с увлечением слушали Андрея Анатольевича.

<https://www.facebook.com/emuravenko/posts/1612130642159696>

Ekaterina Rakhilina

Начальная острая боль перешла в глухую, которая сопровождается воспоминаниями, образами, размышлениями про Андрея Анатольевича Зализняка как личность и феномен. Его занятия наукой не были профессией, они были его жизнью – как поэт не может не писать стихи, которые, как известно, нахлынут горлом, так и научная задача захватывает и не отпускает, пока не понята и не решена.

Такой гений чистой науки, без внешних искусственных стимулов, которые сейчас усиленно создаются и внедряются – скопусов, рейтингов, чисел публикаций и прочего мусора. Борьба Давида не с соседом-Голиафом с заоблачным хиршем, а со всей естественной и непостижимой природой языка, причем честная дуэль на десяти шагах, по строгим, придуманным самим борцом правилам.

Правило первое: внимание и любовь к противнику. Строя объяснения, языковой материал для них брать весь, без изъятий.

Правило второе: исключений быть не должно, они должны продолжать правило и подтверждать его.

Правило третье: объяснение должно быть простым, невыморочным, тоже естественным. Всякий, кто его прочтет, сразу воскликнет: конечно!

Правило четвертое: все задачи или способ решения, или подход – нестандартные, не те, что уже сто раз пришли в голову и тысячам предшественников.

Правило пятое: лингвистика – это трудно, но никогда не скучно, это увлекательно. А как только становится скучно и уныло – значит, мы на ложном пути, нужно строить новую гипотезу.

Этими неукоснительными для него негласными правилами Зализняк когда-то перевернул научную парадигму, сделал массу великих открытий и остался недостижим для современников. В нашей памяти – тех, кто знал его давно и видел часто – он всегда очень живой и веселый, внимательно слушает или заразительно смеется. И это тоже потому, что лингвистика – не профессия, а просто жизнь.

Елизавета Щеголькова

Андрей Анатольевич рассказывал в Муми-Тролле про сравнительное языкознание. Он показывал, как из чудовищного неповоротливого слова получился «волк», про то, что одни языки меняются быстро, а другие – медленно, а еще рассказал про Фестский диск и как быть, если от народа осталась одна письменность. Он приходил в школу каждый год, потом мы шли в столовую, пили чай, он отвечал на вопросы, лилась неторопливо беседа... Однажды он рассказал историю про то, как лежал в больнице после неудачного горнолыжного спуска, а сосед-швед спросил его: «Андрей, что есть истина?» И мы дружно хохотали, потому что это была отличная история.

Периодически мы теряли номер домофона от его квартиры: должны были сопровождать в школу на лекцию. А в квартире оставалось рассматривать его библиотеку. Потому что нас не должно было быть там, а мы стоим, как пингвинчики, и не знаем, как надо переминаясь с ноги на ногу: с правой на левую или с левой на правую? И так было, кажется, каждый февраль, когда Муми-тролль снаряжал экспедицию.

У Андрея Анатольевича уютная и укромная квартира. Он рассказывал про то, как их с Еленой Викторовной заподозрили, что они залили соседей внизу – продуктовый магазин, бывшую булочную. А это были не они, а соседи сверху, вода же каким-то удивительным образом миновала ААЗ и ЕВ. И еще он ни разу не пробовал трубочку со сгущенкой, а что может быть вкуснее такой-то трубочки??

Удивительная доброта, человеческое достоинство и отзывчивость... Андрей Анатольевич показал, что лингвистика – это наука, которая делает предмет своего изучения язык, в тонко и сложно организованной материи которого обнаруживаются прекрасные закономерности. Что само занятие наукой есть одно из достойнейших занятий для человека. И не бывает науки, если в ученом нет внутреннего достоинства и любви к истине. Дело тут не в гениальности, а образованности, не в чрезвычайной талантливости, а трудолюбию, не в святости, а доброте и человечности, не в поэтике слова, а в эйдосе прекрасного. Его нельзя описать в формуле, но можно постараться выразить в своих поступках. Вот такой был Андрей Анатольевич, которого мы по-прежнему так сильно любим!

Живите в доме – и не рухнет дом.

Я вызову любое из столетий,

Войду в него и дом построю в нем.

Вот почему со мною ваши дети

И жены ваши за одним столом, –

А стол один и прадеду и внуку:

Грядущее свершается сейчас,

И если я приподымаю руку,

Все пять лучей останутся у вас.

Я каждый день минувшего, как крепью,

Ключицами своими подпирал,

Измерил время землемерной цепью

И сквозь него прошел, как сквозь Урал.

<https://www.facebook.com/eschegolkova/posts/1601701236576708>

Борис Иомдин

Самое ответственное дело, которое мне выпадало в жизни – представлять школьникам на ЛЛШ Андрея Анатольевича Зализняка. Счастье, что вы успели его услышать и увидеть. А осознать, что другие уже не успеют, невозможно. Сегодня в три часа дня Андрей Анатольевич скончался.

https://vk.com/wall-600332_5771

[см. также в подборках откликов]

Настя Вавенко

Ушёл выдающийся лингвист и замечательный человек.

Светлой ему памяти.

Я столкнулась с ним ещё до того, как узнала, что в мире есть филологи, и чем они занимаются. Я поехала на пленэр с художественной школой в Великий Новгород. А там раскопки. И закрытие сезона. И открытая лекция.

Потом уже будучи студенткой присутствовала на такой лекции уже в университете. Мало что осмысляла тогда, но огромная толпа учёных мужей, набившихся в, казалось бы просторную, аудиторию, внушала почтение.

Очень и очень жаль. Мы все, хоть и не учились (с моего отделения) у него, но знали, что есть такой учёный, и можно гордиться – есть у нас ещё выдающиеся филологи-первооткрыватели.

https://vk.com/wall26035660_3229

Школа «Муми-Тролль»

24 декабря 2017 года ушел из жизни Андрей Анатольевич Зализняк – великий лингвист, ученый с мировым именем.

Андрей Анатольевич не только занимался «высокой» наукой – он всегда находил время на общение со студентами и школьниками, считая это важнейшей частью своей деятельности как ученого. На его традиционных лекциях, посвященных найденным за очередной археологический сезон новгородским берестяным грамотам, слушатели не уместались в огромной аудитории МГУ.

В 2005 году «Муми-Троллю» посчастливилось познакомиться с Андреем Анатольевичем, и с тех пор ежегодные лекции выдающегося языковеда стали традицией в нашей школе. Во многом благодаря Андрею Анатольевичу мумитролльцы имели возможность присутствовать на его лекциях во время археологических экспедиций в Новгороде.

Мы дружили с Андреем Анатольевичем, и для нас его смерть – невосполнимая потеря.

Будем всегда помнить с благодарностью.

<https://www.facebook.com/mumischool/posts/2012239608802636>

Елена Лебедева

Стало темнее. Простились с Андреем Анатольевичем Зализняком.

Грамматика русского языка, санскрит, древненовгородский диалект, акцентология, Слово о полку Игореве... В Яндексe говорят, что национальный русский поисковик у нас стал возможен благодаря ААЗ. У кого еще он есть-то, кроме американцев и китайцев?

Лингвисты, археологи, академики и студенты – в растерянности. Гениальный мыслитель, мозг которого способен был вмещать в себя целые языки, целые эпохи, и невероятно красивый, притягивающий к себе человек с лучистыми глазами. Он должен был жить сто лет! Как минимум! Восемьдесят два это так мало – нам будет так его не хватать!..

В 2005 г. школа «Муми-тролль» пригласила ААЗ прочитать лекцию школьникам. Это было про порядок слов в русском языке. С тех пор – каждый год: про историческую лингвистику, санскрит, арабский, про ударения, про берестяные грамоты и происхождение русского языка... Мы записывали их, расшифровывали, авторизовали и публиковали на сайте школы. Теперь это сокровище.

После первой лекции за чаем ААЗ рассказывал нам про раскопки в Новгороде. Он позвал нас туда, и мы поняли, что – да, это надо. В «Муми-тролле» стала складываться традиция – каждое лето на две-три недели – в Новгород. Что же с нами произошло за эти годы?! Многие дети возвращались снова и снова – по пять, по шесть раз... Некоторые ездят и ездят, хотя давно не школьники... Прикосновение подростка к волшебному культурному слою, общение его с новгородскими археологами, лингвистами, искусствоведами, реставраторами (не стану здесь перечислять всех этих светлых людей, но помнить их буду всегда) – огромное богатство, ни с чем не сравнимое. Этим богатством наши дети и мы все обязаны ААЗ. Некоторые даже успели уже это осознать.

Больше не будет захватывающих лекций ААЗ ни в Центре музыкальных древностей, ни на базе археологов, нельзя будет больше «случайно» заглянуть в комнату лингвистов и получить поздравление с найденной грамотой или выговор, что разрубили ее лопатой... Не будет и публичных осенних лекций в МГУ.

Будет только память и, может быть, свет, зажженный в ком-то из нас, в ком-то из детей...

Бессмертие – это память.

https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=387927388332813&id=100013466646989

нпммвя · и · иное [Денис Паперно]

Десять дней без Зализняка

На прошлой неделе мы прощались с Андреем Анатольевичем Зализняком. Мне повезло учиться в МГУ в те годы, когда Андрей Анатольевич снова, после долгого перерыва, стал читать там спецкурсы: древненовгородский диалект, санскрит, арабский, древнеперсидский – которые я старался не пропускать... Затем я уехал из Москвы и за последующими выступлениями Зализняка следил только в записи, но и мне сейчас трудно поверить, что традиционных осенних лекций больше не будет.

Личные воспоминания, тем более рядового студента, как правило, больше говорят о самом вспоминающем, чем о личности умершего. В памяти остаются малозначительные, но личные мелочи, и невольно оказываешься в положении кошки из детского стишка, которая, побывав при дворе королевы, запомнила только мышь на ковре.

Поэтому воздержусь от подробностей и попробую сформулировать те качества, которые делали Зализняка в нашей науке явлением необычайным. Формальные признаки академического успеха здесь бесполезны: Зализняк не публиковал большого количества статей, не оставил научной школы в обычном пони-

мании, не побеждал в научных войнах (и не участвовал в них). Его гений был отчасти гением рассказчика: Зализняк умел интересно, просто и в то же время не отрываясь от конкретики рассказать о любой научной теме (безразлично о своих или чужих открытиях), от санскритской морфологии до русской палеографии. Этот талант Зализняка особенно отмечал Виктор Маркович Живов (увы, тоже покойный). К счастью, есть достаточно записей лекций ААЗ, чтобы каждый мог в этом убедиться.

Талант рассказчика сочетался у Зализняка с полной убежденностью в нашей науке и редкой смелостью высказываться перед широкой публикой даже по горячим вопросам (Слово о полку Игореве, Велесова книга, Фоменко...). ААЗ обращался к популярной аудитории без стеснения, аргументированно, на понятном языке.

Разумеется, Андрей Анатольевич был не просто рассказчиком, а прежде всего ученым. Большая часть его работы последних десятилетий была филологической: чтение текста и его интерпретация. Эта работа невозможна без фундамента точного лингвистического знания, но все же решение о том, как читать древний текст, от самых коротких берестяных грамот до Новгородского кодекса, всегда было актом чистого искусства – по крайней мере, для того, чтобы понять, какое именно из теоретически возможных прочтений правильное, нужно обладать интуицией и начитанностью Зализняка.

Но главное, Зализняк лучше, чем кто-либо, делал то, что составляет саму суть работы лингвиста, по крайней мере в 20-м веке – анализировал и описывал закономерности языка. Результаты известны, и их хватило бы на несколько успешных научных карьер: от полного описания русского словоизменения (включая ударение) к описанию истории русского ударения на протяжении последних нескольких веков, к анализу древненовгородского диалекта на материале берестяных грамот, от них к нескольким частным сюжетам древнерусской грамматики, включая клитики (безударные слова), и отсюда к лингвистическому доказательству подлинности «Слова о полку Игореве», в том числе для широкой публики.

Секрет этой череды осязаемых результатов отчасти в таланте и прилежании (они на виду), но не менее важны вкус и скромность в выборе предмета исследования. ААЗ умел исчерпывающе решить научную задачу, даже когда это требовало очень большой работы (например, полное описание русского словоизменения). Но всякое трудолюбие было бы напрасно, если бы ААЗ не выбирал именно те лингвистические проблемы, которые можно решить доступными нам средствами, не замахиваясь на амбициозные проекты, которые нельзя осуществить в течение одного поколения. Например, Зализняк никогда не претендовал на полное описание древнерусского языка, синтаксиса или даже порядка слов, но с непревзойденной точностью и подробностью описал историю древнерусских клитик, а каждую берестяную грамоту разобрал до последней буквы и штриха в ней.

До свидания, Андрей Анатольевич. Нам Вас не хватает.

<https://rechicer.livejournal.com/85754.html>

Павел Иосад, 24 декабря 2017 г.

Как же так, Андрей Анатольевич?..

Terrible, devastating news on Christmas Eve of the death of Andrei Zaliznyak. No-one here who knows anything about Russian needs an explanation, but for those

who don't: he was (yes, I wrote 'is') the best linguist I know, anywhere in the world. Repeatedly, he would do more in the space of a decade than most of us would consider enough for a hugely successful career. And yet he was the gentlest, kindest person you'd ever meet, and whether you were a student, a schoolkid with a question or even just an interested layman, you would always have his undivided attention and his full respect. I didn't know him very well personally – I took several of his undergraduate courses, and I would always go to the packed annual lecture on the year's finds in Novgorod, but that was about it – but the way I feel he has influenced my thinking and my attitude to scholarship is completely, insanely out of proportion to the amount of personal contact I had with him. Life has turned out otherwise, but when it was suggested that I could do my PhD with him it was one of the proudest moments of my life, and one that I will cherish. An unspeakable loss.

<https://www.facebook.com/pavel.iosad/posts/10155046659686161>

Павел Иосад, 26 декабря 2017 г.

Andrei Anatol'evich Zaliznyak in memoriam.

(Writing this in English, partly because someone has to and partly because I guess it's a bit less raw that way.)

It's difficult to describe what he meant to us without writing a glorified curriculum vitae. I'll do that, but maybe it's more appropriate to start with a few personal moments.

The first time I heard the name was at school. In a Russian lesson, we were doing some grammar. There is a sanctioned approach to the teaching of grammar. It could be worse, it could be better, but (especially when taught badly) it can be terrible drudgery: 'learn this way of how things are'. We were talking about gender, I think, and at some point the teacher, bless her heart, mentioned 'but according to Zaliznyak, things are quite different, and *here is why*'. It was mind-blowing stuff, the idea that you can reason about language and not just learn what the grammar book says, and for me it came with the name.

Then of course the little black book of linguistics olympiad problems. He – who else? – was the originator of the idea of the linguistics problem, and he wrote some of the best ones. We started with the book at school, and then I started taking part in the Olympiad itself, and Elena Muravenko's evening club – the name was always there, though I didn't know the man by sight.

The first time I saw him was at the annual lecture on the year's finds in Novgorod. This was the time before it became one of Moscow's premier cultural events – it was meant to be, effectively, a glorified colloquium talk for the linguists, the Russian philologists, the archaeologists, the historians. Still, the biggest lecture theatre available was bursting at the seams. And it was magic. Jumping effortlessly from how to read the scratches on the birch bark, to the intricacies of Old Russian morphology, to modern dialects or colloquialisms, this was how you do language history.

Then came the undergraduate courses. The first one was Sanskrit. We get a handout. Seven pages. Half a page for the writing system. The rest of it was *all* of the grammar, and a list of roots. What are we meant to do? 'Here is a stanza from the Mahabharata. Go.' And we did. Oh boy we did. It was magic, again, but now week in and week out. Did I become a Sanskritologist? Of course I didn't. Was I able to construct, in a few hours, a data set for my phonology exam this year, more than ten years later, still using that handout? Yes I was.

He was an amazing teacher. We in the linguistics department were the lucky ones – it was actually one of our option courses on the curriculum, we were meant to get the credits. The number of people who actually came was insane. People from elsewhere in the faculty. From elsewhere in the university. From somewhere else completely. And everyone who wanted would get the chance to do the exam (in Russia, this means you come up to the teacher and discuss your answer). Everyone who wanted could come up to the blackboard and give their solution to the week's work. And if you were wrong, at the blackboard or just shouting from your seat, you never felt belittled, or insignificant, or stupid. You were there to learn, and he respected that.

Another of his courses I took was on the birchbark letters. This was in my third year. By that time we'd done a semester of Old Church Slavonic and three semesters of history of Russian. Serious courses, with lots of reading and lots of depth. I'd read the book on the birchbark letters, cover to cover, before we started. And still, every week, I was enchanted. Even when I'd heard or read about the letter before, there was always some new angle, some new fact I didn't know. And the exam was the scene of the most mind-blowing experience I had at university. I get a text. 'Do you recognize it?' No. 'OK, go on'. We go through it. It's clearly colloquial, and a pretty late one. We go through the numerous changes from the Old Russian standard, discuss where they came from. 'OK, can you date it?' Well, it's late. 15th century I guess? (In the world of the birchbark letters, this is as late as you can go.) 'OK. Can you show the differences from Modern Russian?' Hmm. Maybe a couple. What? 'Well, of course. It's from the Life of Avvakum'. Mid 17th century. I leave with a stupid smile on my face.

I also did Old Persian, and Arabic. And the annual lectures, which had swollen by the time I left. The last time I saw him was just before I left for Tromsø. It was a talk at the Slavic Studies Institute. It had been suggested that I do a talk if I wanted to do the PhD there with him. The PhD thing fell away when it became clear I was leaving, but I'd promised the talk. It was an awful time, just after I'd defended my undergraduate thesis but before our final exams. I was very busy at work, and I didn't want just to talk about my thesis results, because there was no Slavic there at all. So I talked about laryngeal phonology – something I ended up doing for the thesis anyway, but after a very roundabout trip – but I had very little time to prepare. I found the handout recently. It was just as bad as I remembered it to be. It didn't seem to put him off at all. He asked some questions. He was his usual understated, kindly self.

So what did he do? His PhD was a formalized description of the entirety of Russian nominal inflection (he was given the equivalent of the Habilitation straight away). This doesn't sound like much (in fact, it sounds downright boring), but it's not. Too often linguistics, and especially perhaps 'formal' linguistics, devolves into fairly meaningless chasing of definitions. Also, it's Russian, what could one say that hadn't been said before about its inflection? Well, it's exhilarating. Not a single word wasted, but it still reads like a novel. And it works. There is still nothing that works better. (Oh, and did I mention it's the 1960s? No computers, no corpus search, nothing. Just slips of paper and sheer dedication.)

Then came the stress. He'd formalized Modern Russian stress patterns. Then found manuscripts that yield information on Old Russian stress. The 'red book', 'From Proto-Slavic stress to Russian', described the entirety of just that in what, ten pages? It's the Basic Accentuation Principle of Halle & Kiparsky, always there but never big

in the West, also discovered in Russia (not just by Zaliznyak), but here tried and tested and found to work at an incredible level of detail.

Then the birchbark letters. Again, this is Slavic. One of the best understood Indo-European branches, and attested at a reasonable time depth. How often do you get to rewrite the history of a whole branch of Indo-European, after almost two hundred years? Well, he did. And to do this, he had to know everything. From Polish dialects to the meanings of obscure dialect words, to ‘human interest’ stories like how much tribute in furs you had to pay to Novgorod in the 13th century.

And then the clitics, and the Tale of Igor’s Campaign. A major text, found and published in dodgy circumstances, then perished in the Moscow fire of 1812. Linguists agree it’s genuinely old and not a later forgery, but do we **really** know? Many disagree. Well, **now** we **know**. Zaliznyak’s book is a masterpiece of linguistic argumentation, except you don’t have to be a linguist to understand all of it. And it’s genius. How do you notice that the chronicle uses different rules for the chronicler’s voice and direct quotation? But he did. And he rewrote the history of Russian (and Old Russian) clitics. One would think it’s obvious, but it’s not. Again, he took material that was always lying there, right in front of us, and made it sparkle anew.

And finally the writing, oh the writing. In English, academic writing is muscular and fairly confrontational. Take a stand and defend it against all comers. Reiterate it again and again. For each paragraph, make it clear how it relates to the overall argument. It works, even if it devolves into ‘avoid the passive voice at all costs’ in unskilled hands. It’s also teachable to students. You can break it down and bash it into people’s heads (I know, I underwent the procedure). Then there is the German style. Bore your reader into submission. Regiment your paragraphs. Go through every single bit of the data. Even if the reader doesn’t remember it by the end, they’re confident you’ve done it. Then make your point. Maybe. But it is no accident that Zaliznyak’s preferred foreign language, of the dozens he was comfortable with, was French.

He writes to solve a problem. He states the problem. He gives you the tools to solve it, and walks you through. He’s with you every step of the way, but he always takes you seriously and never talks down to you. You are never bored. You always know where this is going, and you know you will solve everything. And by the end, you’ve cracked your problem. And also, you’ve learned an awful lot more along the way.

Many people, in Russia certainly, use that style. I used to. But it’s hard, and I mean **really** hard to pull off. So there is a lot of poor writing about. I’m certainly guilty of it. I now write in the English way, because I’m sure I can be competent without being sparkling. Well, Zaliznyak was brilliantly sparkling. Also, he would never write a paper to ‘make a theoretical point’ or ‘defend one theory against the other’, which is something reviewers look for all too often over here. He would write to solve a problem, and if he needed to build a theory along the way, you could be sure you would get a tight, clear, and perfectly understandable explanation of it. But also the solution.

Now, we will have to look for the solutions ourselves, and I hope we can at least try. We will miss him.

<https://www.facebook.com/pavel.iosad/posts/10155051265831161>

Даль Орлов

Только что из поста Владимира Мамонтова узнал, что ушел из жизни академик-лингвист Андрей Зализняк. Это утрата грандиозная. Он, если говорить прямо, был просто гений. Единственный в моей жизни настоящий и очевидный, с кем однажды свела жизнь. Свела во студенчестве. На военных сборах в палатку влетел вестовой, «Зализняк, к командиру!» Андрей умчался. «Товарищ Зализняк, – задал вопрос подполковник Пуговкин, наш командир. – Говорят, вы много языков знаете, а все-таки сколько точно? Тут в руководстве интересуются». Андрей доложил: «Не могу точно сказать, товарищ подполковник! Если три месяца позанимаюсь, любой». «Даже африканские?» «Ну да...» Он занимался сравнительным языкознанием. Кстати, быстрее всех собирал и разбираал автомат. Отлично прыгал с места в длину, тягались как-то в коридоре. Пару раз на чуть-чуть, а он прыгнул дальше. А я, на минуточку, был чемпионом МГУ в тройном и в длине. Всё ему давалось, причем так легко, что даже ни у кого не вызывало зависти. После второго курса его послали в Сорбону. Великий Мазон с ним побеседовал пару часов и сказал: «Вы к нам напрасно приехали, нам вас учить нечему». Это слышал от него лично. В результате два года он провел в какой-то совсем уж элитарной школе-университете. И вскоре одарил французов уникальным французско-русским словарем, где впервые дал им перевод всех русских идиом, которые как известно переводу не поддаются. В «Технике-молодежи» в те времена написали, что, вот такой есть молодой лингвист, знает 45 языков. Я тогда же уточнил названное количество, когда встретились. Только пожал плечами: «Да откуда я знаю! Сорок пять так сорок пять, не имеет значения!» Потом навеки вписал себя в русскую культуру – неопровержимо доказал подлинность «Слова о полку Игореве», потом занимался берестяными грамотами.

Теперь ушел. Грустно так, что не передать словами. Даже если знать их столько, сколько знал Андрей.

<https://www.facebook.com/dal.orlov/posts/1548542048596121>

Сергей Пархоменко

За неделю – уже вторая страшная, невыносимо мучительная новость.

Теперь мы потеряли академика Андрея Зализняка.

Великий ученый, упорный и отважный борец с мракобесием, дикостью и самодовольной безграмотностью, наступающими на нас со всех сторон. Гениальный лингвист и историк, он «закрыв вопрос» о подлинности «Слова о полку Игореве», продвинул далеко вперед науку о расшифровке и понимании древних славянских текстов, в том числе берестяных грамот, но отвлекался от этих занятий снова и снова, чтобы решительно и смело гнать вон, разоблачать и осмеивать бесконечных неучей и наглых шарлатанов.

У меня в «Заметках» в телефоне уже лет пять хранится текст знаменитой речи Андрея Анатольевича при вручении ему литературной Премии имени Солженицына, ровно 10 лет тому назад, в 2007.

Эта речь широко известна, многие ее называют Манифестом «Истина существует».

Она и в самом деле – необыкновенно сильный манифест знания, просвещения, яркой радости человека, увлеченного истиной и уверенного в том, что истина в жизни нужна и важна.

Я много раз цитировал эту речь по разным поводам, много раз зачитывал из нее фрагменты в передачах на радио, в публичных выступлениях, на лекциях перед студентами.

Это манифест тех, «кто осознаёт ценность истины и разлагающую силу дилетантства и шарлатанства и пытается этой силе сопротивляться», тех, кто «будут и дальше оказываться в трудном положении плывущих против течения».

Но наша надежда – действительно на то, что «всегда будут находиться и те, кто все-таки будет это делать».

Сутулый и очень худой человек совсем не героической внешности, с какой-то немного смущенной, как будто бы удивленной улыбкой, но человек громадной силы и поразительного достоинства, останется с нами навсегда конечно.

Вот еще раз – несколько фрагментов из его Манифеста.

<...>

<https://www.facebook.com/serguei.parkhomenko/posts/10214700382612657>

Стебли-Каменский журнал [Мария Елиферова]

In memoriam: Андрей Анатольевич Зализняк (1935-2017)

Люди не вечны. Люди в возрасте 80 с лишним лет не вечны тем более. И всё-таки весть о кончине Зализняка меня оглушила.

Вот уже более десяти лет он был для меня эталоном научности в исследовании. Его книга про «Слово о полку Игореве» просто перевернула моё сознание. Это был образец того, как надо работать. Я поняла, что мои подозрения были справедливы – большинство моих преподавателей учили меня не тому.

Я безмерно благодарна Андрею Анатольевичу за то, что в нём не было не капли лингвистического снобизма и он был готов просвещать тех, для кого сравнительно-историческое языкознание не является профильной специальностью (что десять-пятнадцать лет назад было крайней редкостью, а среди специалистов такого класса редкость и поныне).

R.I.P.

<https://steblya-kam.livejournal.com/250006.html>

[см. также в некрологах]

Роман Ронько

Умер Андрей Анатольевич Зализняк.

Большая потеря для всех Московских лингвистов, в том числе тех, что даже и близко не были знакомы с ним лично (меня например). За прошедшие сутки было написано много замечательных текстов о Зализняке (<https://meduza.io/feature/2017/12/25/ni-odnoy-prohodn...>, <https://gorky.media/context/kazalos-on-budet-vsegda/>),

и я без особых претензий тоже напишу немножко. Живя в Москве и занимаясь лингвистикой, нельзя не обожать Зализняка, не восхищаться, не любить и не ужасаться его мощи. Здесь, по удачному на мой взгляд выражению Маши Коношенко, его «культ». И почётно быть членом этого культа. Впервые я задумался о занятиях лингвистикой после прочтения его книги «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста». Анализ памятника поразил меня своей убедительностью, фундаментальностью, простотой изложения и значительно выделялся среди других (преимущественно литературоведческих) трудов, которые также были призваны пролить свет на проблему подлинности или подделки СПИ. Выделялся

своей кристальной ясностью аргументов. После следующего столкновения с Зализняком на его публичной лекции о древнерусском языке и древненовгородском диалекте в школе Муми-тролль, я уже был почти уверен, что лингвистикой заняться придётся. После этой лекции я начал медленно знакомиться со второй моей любимой книгой ААЗ «Древненовгородский диалект». Здесь описываются «реальные факты» языка 11–15 веков. Каждый исследователь древнерусского языка и русских диалектов начинает исследование любого грамматического явления с поиска информации в ДНД. Любая строка может оказаться ключевой для понимания явления и стоять нескольких статей, специально ему посвящённых. После ДНД ААЗ равномерно проник во все части моего сознания и подсознания, которые интересуются лингвистикой.

В заключение топ 5 моих любимых работ ААЗ:

1. «Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста»
2. «Древненовгородский диалект»
3. «Древнерусские энклитики»
4. «О понимании термина падеж в лингвистических описаниях»
5. «К типологии относительного предложения»

https://vk.com/wall-129583569_231

Андрей Никитин

Новгородская область понесла невосполнимую утрату. Не стало Андрея Анатольевича Зализняка, исследователя новгородских берестяных грамот. Ушел человек, имя которого не просто значимо для науки, я бы сказал, что оно навечно вписано в культурный код новгородца. Никто из тех, кому дорога эта земля, кто хотел бы ее понять, не мог пройти мимо его замечательных лекций и книг. Мы скорбим. Пусть земля будет пухом Андрею Анатольевичу. Нужно подумать, как увековечить память академика Зализняка на новгородской земле.

https://vk.com/wall434915124_213

Лев Рубинштейн

Бывают такие современники, присутствие которых в одном с нами времени и пространстве делает само это пространство и само это время менее позорными, менее ничтожными, но более осмысленными, более достойными. Они, вроде как серебряная ложечка в сосуде с водой, самим фактом своего существования препятствуют гниению. Рядом с ними и нам кажется, что и мы, черт побери, чего-то значим в этом мире.

Андрей Зализняк был одним из таких современников. Светлая память.

https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1765297596814307&id=100000022518126

Vladimir Raevskiy

Сегодня не стало академика Андрея Зализняка, лингвиста, крупнейшего специалиста по берестяным грамотам. С ним посчастливилось встретиться однажды – в Новгороде, он тогда тоже был счастлив, нашлась очередная берестяная грамота – да какая! Понятная, остроумная, читаемая как смска. По крайней мере, это Зализняк так умел их читать. И нам удалось снять совершенно уникальные кадры – помимо того, что Зализняк радуется, как ребёнок, на них впервые с 13 века звучат слова того требовательного новгородца, который набросал

нам в 2016-й записку. Благодаря академику Зализняку и его коллегам нам открылся секретный ход, потайная дверца, кроличья нора – она ведёт через толщу семи веков, в удивительный мир новгородского Средневековья, и от этого захватывает дух – вот и я никак его не переведу, спасибо вам, профессор.

[К записи приложен видеорепортаж о находке берестяной грамоты № 1083]
<https://www.facebook.com/vladimir.raevskiy.9/videos/10213358418129131/>

См. также записи:

Алексей [Николаевич] Рыбаков https://vk.com/wall92206688_3374

Дмитрий [Дмитриевич] Беляев <https://maoist.livejournal.com/217825.html>

Леонид [Александрович] Каганов [блогер] <http://leo.me/dnevnik/2017/12/25.html>

Илья [Иосифович] Красильщик [журналист]

<https://www.facebook.com/tintorero/posts/10156991224228327>

Vladimir Zelinsky [Владимир Корнелиевич Зелинский, священник]

<https://facebook.com/vladimir.zelinsky/posts/2178182582207426>